

СТРУКТУРА, ГРАНИЦЫ, ОРГАНИЗАЦИЯ: ТРИ РЕФЛЕКСИИ ПО МОТИВАМ ТЕКСТА Т.А. ФОЛИЕВОЙ

Прежде всего, я хотел бы высказать благодарность Т.А. Фолиевой за пробуждающее мысль обозначение наиболее актуальных проблем религиоведческого сообщества, а П.Н. Костылеву и редколлегии «Религиоведческих исследований» в целом – за приглашение к участию в этой дискуссии. Сразу отмечу, что в основном согласен с тем видением вещей, которое представлено в исходном тексте дискуссии¹. Мои соображения являются скорее дополнениями и, как мне представляется, некоторым развитием намеченного анализа. Я остановлюсь, прежде всего, на структурных и организационных проблемах сообщества, а также на проблемах, связанных с отношениями религиоведения и теологии.

1.

Начну со структурных проблем, которые, как мне кажется, являются общими для религиоведения и всех гуманитарных наук. Те настроения депрессии и страха, о которых так ярко пишет Т.А., возникают на почве ситуации, любопытной своей парадоксальностью.

Прежде всего следует отметить, что соотношение широты предметного поля и количества возделывающих его ученых в нашей науке катастрофично. Отсутствующие переводы классиков религиоведения и исследования их творчества, слабая представленность современных тенденций развития мировой науки, крайне выборочные исследования в области истории религии, огромные области актуальных исследований, которыми занимаются единицы энтузиастов, – все это печальная картина, хорошо знакомая

¹ За исключением, пожалуй, чрезмерно оптимистичных, на мой взгляд, надежд, возлагаемых на «демократические процедуры»: сами по себе, без культуры взаимного доверия, уважения, и рациональной дискуссии, без подлинной автономии преподавательской корпорации по отношению к администрации и более высокому «начальству» эти процедуры либо не будут работать совсем, либо станут инструментом в руках борющихся за влияние и идеологическое господство группировок.

не только религиоведам. Любой заведующий кафедрой знает, думаю, как трудно создать подлинно фундаментальное научное направление – просто по причине недостатка студентов, аспирантов и молодых ученых. При этом выпускники-гуманитарии (и религиоведы среди них) катастрофически не могут трудоустроиться по специальности. Соответственно с этим министерство образования сокращает бюджетные места и вместе с тем стремится увеличить количество студентов на одного преподавателя, что, разумеется, в свою очередь ведет к сокращению рабочих мест и затрудняет трудоустройство выпускников. Этот круг вполне очевидно ведет к ликвидации гуманитарных наук и религиоведения среди них.

Здесь включается вторая структурная проблема: соотношение зарплата/нагрузка в среднем таково, что даже те выпускники-религиоведы, которым удалось устроиться на работу по специальности, не имеют возможности вести научную работу, т.к. зарабатывают на жизнь буквально «своим горлом». При этом, как справедливо замечает Т.А., жизнь преподавателя предельно бюрократизирована. Тем самым, еще больше сужается круг «возделывателей» научного поля и, тем самым, религиоведы оказываются практически лишены возможности объяснить обществу, государству, Церкви, читающей публике и всем прочим – зачем они вообще существуют и чем занимаются. Вместе с тем, становится понятным, почему они не имеют внятного и доходчивого ответа на этот вопрос – в силу малочисленности и раздробленности религиоведческого сообщества предмет исследования просто не дан ему (сообществу) как дифференцированное и логически структурированное целое, вследствие чего оно (сообщество) не может и предъявить его потенциальному потребителю / спонсору.

Это проблемы, которые, как мне представляется, должно решать сообщество как целое. Они ставят на повестку дня вопрос о работающей профессиональной ассоциации – речь о которой пойдет чуть ниже.

2.

Указанные структурные проблемы находят свое выражение в проблеме более частной, но не менее болезненной – я говорю

о недостаточной дифференцированности религиоведения и теологии: как на уровне самих сообществ, так и в глазах публики и заказчиков научных исследований и экспертиз. Остановлюсь на этом вопросе подробнее.

Т.А. Фолиева отмечает тревожную тенденцию вытеснения религиоведения теологией на уровне университетских кафедр. Соглашаясь, в целом, с ее оценкой, укажу на ряд дополнительных нюансов. Скажу сразу, что я являюсь безусловным сторонником «научности» теологии, ее права на самостоятельное существование в университетском пространстве наряду с философией и религиоведением и при этом решительным противником идеи «конфессионального религиоведения», которое, как справедливо отмечает Т.А., как правило, дискредитирует и религиоведение, и конфессию, от лица которой берется выступать. В силу этого те аспекты сложившейся ситуации, о которых я скажу, являются, с моей точки зрения, негативными как для религиоведения, так и для теологии.

Итак, мне кажется, что некоторое преимущество, которым на данном этапе, как кажется, обладает теология, обусловлено в действительности ее слабостью. Прежде всего, положение теологии в научном мире в современной России в целом намного более шаткое, чем положение религиоведения. Изначально, с самого момента своего появления в начале 90-х, теология была вынуждена вести активную борьбу за выживание – в ходе этой борьбы она выработала набор аргументов и риторических фигур, приспособленных для различных аудиторий, – т.е. именно то, об отсутствии чего у религиоведов жалеет Т.А. Религиоведы, надо честно признаться, были озабочены, в большей степени тем, чтобы доказать ненаучность и ненужность теологии, чем тем, чтобы доказывать собственную научность и «нужность». В результате, в настоящее время у теологов есть определенные (плохие или хорошие – другой вопрос) формулы такого обоснования, у религиоведов их нет.

Однако, характер дискуссии о научности теологии, ведущейся главным образом не на страницах академических журналов и не в аудиториях научных конференций, а в бюрократических кабинетах и кулуарах «власти», предопределил и характер

предъявляемой аргументации. Перепрофилирование кафедр, о котором говорит Т.А., в значительной степени является результатом того, что эта аргументация была услышана.

Мне представляется, что это скорее плохо для обеих наук. Поясню.

На мой взгляд, собственно научные аспекты аргументации теологов услышаны не были – и это играет им на руку, но только на первый взгляд. Не только в епархиях, но и в областных и городских администрациях теология представляется «своей» именно в силу тех ее аспектов, которые в академическом сообществе рассматриваются как признаки ее ненаучности. Теология позволяет говорить о «духовных скрепах», «патриотизме», «традиционных религиях и ценностях», «русском мире», «сектах», «нравственных извращениях», «пятой колонне», - обо всем том, что «греет душу» нормального губернатора, к какой бы партии он не принадлежал. Теология расплывчата, патриотична, приятно-непонятна. Религиоведение претендует на строгость, незаинтересованность, «объективность». В отношении всего вышеперечисленного среднестатистический религиовед скорее настроен скептически (и он плохо умеет скрывать свой скепсис). Он оперирует терминами, которые являются кальками с английского. Религиоведение либерально и говорит в основном неприятные вещи. При этом оно никогда не было в положении теологии – науки под запретом, а потому считает необходимость оправдываться и обосновывать свою «полезность» ниже своего достоинства. Поэтому оно проигрывает. Поэтому мы видим, как религиоведческие по содержанию научные конференции проходят под шапкой теологии, хотя на них может ни слова не говориться о догматике, библеистике, патрологии... Повторю: это плохо не только для религиоведения – это плохо для теологии, чья академическая идентичность оказывается размыта и содержательно (по теме и предметам исследования) и формально (по критериям научности).

Разумеется, мы, ученые, несем свою меру ответственности за сложившуюся ситуацию, однако, существует объективный фактор, преодолеть который, нам, пожалуй, в настоящий момент не по силам и, который (надо быть готовым к худшему исходу) с большой вероятностью преодолет нас: основные потребители

как религиозного, так и теологического знания – чиновник, епископ, епархиальный служащий, сотрудник спецслужб, педагог, журналист – по большому счету считают это знание ненужным, создающим лишние проблемы, вероятно, и вредным. Они обладают почерпнутым из практики донаучным знанием, которое, с точки зрения ученого-религиоведа или богослова, возможно, представляет собой дичь или ересь, но которого оказывается вполне достаточно для решения повседневных проблем, «разруливания» конфликтных ситуаций, написания докладов и отчетов в вышестоящие инстанции. В том, что подобное отношение к гуманитарной науке в России является доброй традицией, убеждают исторические исследования¹. До тех пор, пока ученые (или ход событий) не убедят их в том, что этого донаучного знания в действительности недостаточно, что следование его интуициям рано или поздно заведет в тупик, выбраться из которого будет весьма непросто, – изменить ситуацию существенным образом вряд ли удастся.

3.

И сказанное вновь обращает нас к проблеме профессиональной научной ассоциации религиоведов. Является трюизмом, что любое сообщество может отстаивать свои интересы только будучи организовано. Разумеется, организация вокруг совместных исследовательских проектов, журналов и т.п. – вещь хорошая, но она не дает того эффекта целостного видения ситуации, который дает большая профессиональная организация. Разделяя в целом пафос сформулированных Т.А. вопросов в адрес руководства АРРЦ, ее недоумение в связи с отсутствием даже попытки сформулировать ответы на эти вопросы, я бы сосредоточился даже не на целях и задачах, а на функциях этой или любой другой такого рода ассоциации, попытавшись ответить на простой вопрос – зачем она мне, – доктору наук, заведующему кафедрой, имеющей некоторое отношение к религиоведению, – нужна?

¹ См. напр.: Шевченко М.М. Конец одного величия. Власть, образование и печатное слово в императорской России на пороге Освободительных реформ. – М.: «Три квадрата», 2003. Там же и выразительное описание того тупика, в который подобное отношение может завести даже наиболее выдающихся политических деятелей.

Мне видится несколько взаимосвязанных аспектов:

1. *Защита* и лоббирование интересов сообщества и его членов (как индивидуальных, так и коллективных) на всех уровнях – перед лицом власти (в какой бы то ни было форме), общества, журналистов, религиозных организаций, академических структур в любых возможных конфликтных ситуациях, возможное расширение сферы влияния сообщества.

2. *Информация* – сообщение членам сообщества всего важного, что так или иначе может способствовать их профессиональной самореализации – сведения о мероприятиях, в т.ч. конференциях, изданиях, стажировках, проектах, грантах и проч. *Vice versa* – информирование публики о внутренней жизни сообщества, его стремлениях, целях, возможностях, потребностях, и т.д.

3. *Организация* жизни сообщества, формирование и поддержание его основных структур, проведение исследований, мероприятий, изданий, проектов, взаимодействие с мировым религиозно-научным сообществом в лице основных международных и национальных ассоциаций. Поиск источников финансирования и поддержка грантоискательской деятельности членов.

4. *Обсуждение* принципиальных вопросов смысла и целей существования сообщества, религиозно-научной науки как таковой, путей реализации этого смысла в той конкретной исторической ситуации, в которой мы находимся в данный момент.

Все это требует, разумеется, чисто технических средств обеспечения, среди которых первое место должны занимать, на мой взгляд, журнал и интернет-портал ассоциации.

Вопрос, который, однако, возникает в связи с диагнозом, поставленным Т.А. Фолиевой нашему сообществу, и той ситуацией, которая была обрисована в пп. 1 и 2 настоящего текста, – а готовы ли мы к созданию настоящей рабочей ассоциации исследователей религии? Готово ли наше сообщество к той ответственности, которую подобная самоорганизация на нас возлагает?